

Татяна Зими́на
Замри

18+

Татьяна Зими́на

Замри

<https://litres.ru/74042179>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Через одних Бог любит нас, через других — учит».

Что делать, когда близкий человек эмоционально закрывается, а привычная жизнь начинает рушиться сразу по всем фронтам? Как сохранить себя, столкнувшись с анонимной агрессией, грязными офисными сплетнями и полным бездействием тех, кто должен защищать?

Перед вами не художественный вымысел, а документальная хроника одного года, восстановленная по записям из личного дневника. Это история женщины, которая в сорок один год, имея за плечами два развода и воспитывая троих детей, оказалась посреди руин собственных отношений.

Здесь нет универсальных рецептов или психологических инструкций. Это честный взгляд на распад близости, зависимость и то тотальное одиночество, которое порой наступает вдвоем в одной постели. Книга о том, как вовремя разжать руки, отказаться от чужого сценария и признать: единственный человек, который гарантированно предназначен тебе от рождения до смерти — это ты сам.

Содержание

Глава 1. Июнь 2025.	5
Глава 2. Июль 2025.	7
Глава 3. Август 2025.	10
Глава 4. Сентябрь 2025.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Татьяна Зими́на

Замри

ЗАМРИ.

У каждой истории есть свой слушатель, у каждой написанной истории - свой читатель.

В бесконечном, оглушающем потоке собственных мыслей и эмоций я желаю себе наконец-то услышать СЕБЯ, аккуратно, словно очень хрупкую разбитую вазу, собрать по кусочкам и бережно вернуть СЕБЕ.

Не держите зла на себя и на людей, которых вы не ждали и не хотели, но они без спроса открыли дверь и вошли в вашу жизнь.

Через одних Бог любит нас, через других - учит.

Глава 1. Июнь 2025.

В июне мне казалось, что я наконец-то знаю, чего точно НЕ хочу. Это озарение накрыло меня после возвращения из путешествия по Дагестану — миру серпантинов, водопадов, каньонов и бесконечных гор. Чем выше они вздымались, тем беззащитнее и уязвимее я себя чувствовала. Мой Дагестан. Решение расстаться со старой, давно нелюбимой работой, которой я отдала 14 лет жизни, пришло с лёгким сердцем.

Восемнадцатого июня, тщательно рассчитав время, я выбежала на парковку, чтобы отправиться на собеседование. На мне были светлая юбка в пол, закрытый топ и переделанные когда-то вручную бусы от Мах Мара. По пути я успела сделать селфи в витрине магазина, чтобы увековечить этот момент.

Радость перемен мгновенно оборвало недоумение: прямо поперёк моей машины замер грузовик маркетплейса, наглухо заблокировав выезд. Водителя в кабине, конечно же, не было. «Вселенная любит говорить с нами знаками? — промелькнула циничная мысль. — Может, вообще не стоит туда ехать?» Дважды обойдя фургон, я поняла: шансов успеть вовремя почти нет.

И всё же я успела. Моя будущая начальница едва ли не хлопала в ладоши от воодушевления, принимая меня в штат. А вот мужчина, ходивший вокруг столов, накрытых строи-

тельными чертежами, заставил меня поёжиться. Он сканировал меня взглядом. Это был заместитель генерального директора, Павел Алексеевич — подтянутый, с короткой седой на висках, в светлых джинсах и летней рубашке.

Что-то в его вопросах было совершенно не так, как на обычных собеседованиях.

— Вы замужем, Татьяна? — спросил он, остановившись у стола.

Будущая начальница тут же опустила глаза в бумаги.

— Нет, не замужем, — ответила я первое, что пришло в голову.

— В отношениях?

От неловкости мысли путались, и я тихо выдавила:

— Там всё сложно.

Павел Алексеевич лишь слегка улыбнулся.

На работу меня приняли, но расспросы о личной жизни оставили странный осадок.

Глава 2. Июль 2025.

Официально к работе я приступила седьмого июля, накануне спустившись с алтайских гор на машине с сломанным глушителем. К офису я подъезжала с необыкновенным волнением. Первые дни — ощущение полного разочарования. Новое место не вызывало ни малейшего отклика: переводить с китайского технические паспорта оборудования было тем еще «удовольствием».

Через пару дней во время обеда, пока я стояла на улице, шурясь от солнца, Павел Алексеевич подошел ко мне.

— Ну как тебе? — спросил он, глядя сквозь очки.

— Не совсем то, чем мне хотелось бы заниматься, — честно призналась я. — Хочется чего-то творческого. Чертить или рисовать...

— Я подумаю, чем смогу помочь, — тихо ответил он.

А затем он вдруг задал вопрос про светлые, незагорелые участки кожи на моем лице. Его пристальный, близкий взгляд смутил меня больше всего. Я заметно растерялась, и эта секундная слабость казалась совершенно лишней.

Так начались мои трудовые будни. Павел Алексеевич стал появляться в моем поле зрения чаще. Всегда обращался ко мне персонально, обязательно называя по имени. Давал мелкие поручения, мягко контролировал их исполнение, а иногда составлял компанию на обеде. Он делился историями из

прошлого и, что удивляло больше всего, искренне интересовался моим настроением. Бывали моменты, когда он молча оставался поблизости.

Как в день с барабанившим по лужам дождем. Я стояла у окна и гипнотически наблюдала за ним, отвлекаясь от рутины. Дождь для меня — особая магия. Павел Алексеевич приблизился и замер рядом. Он тоже смотрел, но куда — я не знала, так как очки скрывали его взгляд. Но я чувствовала, что мы разделяем этот момент вместе.

Его равнодушие цепляло и пугало. Уже тогда казалось, что это выходило за рамки рабочих отношений. Он виделся мне живым, сложным и интригующим.

Я же к своим сорока одному году успела пережить два официальных развода, воспитывала троих детей, а затянувшиеся отношения с бывшим мужем как раз доживали последние дни. Потребности в мужском внимании у меня не было. Более того — я его не искала. Если ты уже распробовал вкус одиночества, то связывать себя с кем-то не горишь желанием...

Но с каждой неделей плотность этого интереса только возрастала. Я пыталась убеждать себя, что немного преувеличиваю масштаб надвигающегося бедствия и что поведение Павла Алексеевича безобидно. Как-то в моменте поймала себя на странной мысли: меня чертовски возбуждал его крик. А кричал он выразительно и очень громко. Его боялись, кажется, абсолютно все в офисе. Кроме меня. Я не боялась, пото-

му что еще не знала, что она за человек.

Наступили дни, когда я стала задерживаться после работы. Из-за навалившихся текущих задач мне нужна была его помощь, и я не стеснялась обращаться к нему. Помню момент: он придвинул стул и сел вплотную ко мне. В завершение дня безумно уставшей мне хотелось просто опустить голову ему на плечо и помолчать. И сделала бы так, если бы не присутствие в кабинете моей начальницы. Засиживаться допоздна для нее и Павла Алексеевича вошло в привычку. А для него даже больше — он все свободное время проводил в офисе. И тут я. Нарушив негласные правила, ворвалась в закрытый мир двух трудоголиков.

Напряжение в пространстве росло с того самого дня, как он не нарочно меня выделил. Значит, это заметила не только я. Павел Алексеевич определенно был для начальницы кем-то важным. В её взгляде зарождалась неприязнь, а в поведении читалась явная ревность и даже скрытая угроза. Назревал конфликт.

Глава 3. Август 2025.

Это двусмысленное внимание лишало меня покоя. Мысли то и дело возвращались к нему, и внутри росло понятное желание наконец-то прояснить, что между нами происходит. Я ждала подходящего момента для честного разговора.

Август стал временем моих глубоких сомнений по поводу своего места на работе. Было некомфортно, внутри отсутствовала удовлетворенность в себе и в том, что я делала. Но именно на этом фоне присутствие Павла Алексеевича обозначилось еще ярче. Помню его появление после небольшого отпуска. В полном кабинете стоял обычный рабочий шум, когда он подошел к моему столу и тихо произнес:

— Дай мне ручку!

Я быстро нашла ее на столе и протянула ему со словами:

— Только она кра-а-асная ...

В тот же миг я ощутила, как он нежно держит меня за руку. Тепло его ладони было приятным.

Его реакция на мои образы была показательной: черный наряд оставлял его равнодушным, в то время как в ярком наряде и на каблуках вызывал восхищение. И не только с его стороны. И это он тоже подмечал.

В один из таких дней в офис приехала мужская команда проектировщиков. После долгого совещания они собирались отправиться на осмотр строительной площадки. Моё

присутствие там было необязательным, и мужчины, окинув взглядом длинную юбку и каблуки, дружно заупрямились от моей компании в целях безопасности. Но Павел Алексеевич неожиданно настоял, чтобы я пошла со всеми, несмотря на мой внешний вид. С абсолютно серьезным лицом он аккуратно надел свою каску мне на голову и, хитро прищурившись, повернулся к проектировщикам: «Значит так, ребята, вернёте ее обратно на руках». По возвращении Павел Алексеевич с интересом смотрел на меня. Я была смущена и взволнована, и так как рабочий день как раз закончился, поспешила скрыться домой.

В те недели я часто выходила на задний двор офиса, устраивалась под дневным солнцем на поребрике и читала Джорджа Оруэлла. Павел Алексеевич, выходя покурить, непременно считал своим долгом подойти ко мне с каким-нибудь вопросом. Так, слово за слово, однажды мы откровенно поделились личным опытом прошлых отношений. Он рассказал, как ушел от бывшей, оставив ее с маленьким сыном, а я — как тяжело пережила разрыв с любовником, а вовсе не с мужем. Для него это, кажется, стало шокирующей правдой обо мне. Да, с мужем мы расстались именно по причине моей неверности.

Семнадцатого августа под впечатлением происходящего в своем дневнике я оставила послание Вселенной:

«И вот еще что - Вселенная, если вдруг ты решишь чтобы в моей жизни появился мужчина - пусть от него будет

пахнуть уверенностью и надежностью. Он должен носить меня на руках во всех смыслах и дарить каждую неделю свежие цветы. На меньшее я не согласна, договорились? А если при этом он будет старым и не красивым? Не будет. Жду.»

Скоро подвернулся и первый случай выяснить всё до конца: нужно было вдвоем уехать в местную администрацию. Дорога туда и обратно давала достаточно времени, чтобы получить ответы на волнующие меня вопросы. Но ничего не произошло. Не было ни диалога, ни смущения, ни даже намёка на интригу. Это показалось мне очень необычным, но в то же время успокоило. Я решила, что между нами нет ничего серьёзного, мысленно выдохнула и пообещала себе сосредоточиться на работе.

Наступило двадцать девятое августа. Павел Алексеевич подошел с утра и сообщил, что мы, возможно, поедем на совещание в министерство транспорта. Я восприняла эту новость внешне спокойно, но внутри жутко загорелась этой поездкой. Была пятница, я понимала, что смертельно устала за неделю, а дорога могла меня отвлечь.

В этот раз тишина между нами исчезла. В основном говорила я — меня невозможно было остановить. Я взялась рассказывать про свой Алтай, про свой мир там, про то, какая я среди гор и что в те моменты чувствую. Освободившись от бремени возможных между нами отношений, мне стало легко делиться с ним своими переживаниями, без прежней робости.

Ровно до того момента, пока мы не остались на парковке министерства. Павел Алексеевич вышел покурить. Я ещё ни разу не упоминала, что находила самую манеру того, как он держит сигарету, вдыхает и выдыхает дым, жутко сексуальной. Каждый раз я ощущала на себе завораживающий эффект этого процесса.

На мне — белое в пол платье с глубоким декольте, для приличия прикрытое сверху атласной рубашкой в тон, и новенькие красные слинбэки. Одним словом красotka. Но его взгляд... Он словно прошёл сквозь меня. В глаза светило яркое солнце, я морщилась, и попытка увести взгляд, только чтобы спрятать внезапное стеснение, с треском провалилась. Что он увидел тогда во мне? Я нашла в себе силы и в ответ откровенно заглянула ему в глаза — это было очень странное, дезориентирующее состояние.

После поездки я интуитивно ждала от него сообщения. Было достаточно любого, но непременно указывающего на его интерес. Я убедилась, что он был взаимным.

То, что пришло слишком поздно, меня обескуражило:

«Татьяна, хотел спросить заранее, когда поедете на Алтай, можно ли составить Вам компанию? Я там не был ни разу. Вы сказали - там красиво. Блин, поздно уже... Извиняюсь»

Ну и как мне было после этого уснуть? Моё женское чутье меня не обмануло, и эту ночь целиком захватило волшебное чувство предвкушения. Я знала, я отчетливо понимала — он

влюблен.

И слишком быстро ответила, что компания на Алтае — это отличная идея. Хотя внутри я сомневалась: нужно ли сейчас добровольно соглашаться с провокациями Вселенной. Остановиться бы...

Тридцать первого августа он позвонил часов в одиннадцать дня и проронил так искренне:

— Стою и улыбаюсь, как дурак.

Глава 4. Сентябрь 2025.

Моё состояние в сентябре точнее всего передавали строчки из песни Zivert:

Прикинь, если всё, что я хочу — это говорить с тобой, пока не замолчу. Будешь ли ты столько слушать меня? Будешь ли ты слышать меня?

За искренними, бесконечными разговорами с Павлом Алексеевичем я не заметила, как перестала общаться с собственной душой. Мой верный дневник, который еще в августе принимал самые потаенные мысли и смелые послания Вселенной, оказался заброшен. Я возвращалась к нему теперь совсем редко — живое, осязаемое присутствие мужчины полностью вытеснило потребность доверять свои мысли бумаге.

Сентябрь ворвался в мою жизнь на бешеной скорости. Всё произошло слишком быстро, неожиданно и не так, как я пыталась себе распланировать.

Шестого сентября, в день рождения моей дочки, я решила провести вечер вместе с ней, её парнем и Павлом Алексеевичем. Это был неудобный, волнительный шаг, но дочь меня поддержала. Воздух в парке перед ужином был по-осеннему прозрачным, на душе — очень легко. В какой-то момент Павел Алексеевич остановился у свободной скамьи и повернулся ко мне:

— Встань на нее ногами!

Я удивилась, но послушалась. Он подхватил меня и усадил себе на плечи. И понес через весь парк. Я хихикала как маленькая, совершенно потрясенная этим неожиданным поступком. Он вернул меня в детство, где нет места взрослым страхам и тревогам.

Павел Алексеевич тогда предстал образцом идеального мужчины: два огромных букета — мне и имениннице — и очень теплый, почти семейный ужин в ресторане на берегу реки. У причала покачивались яхты, и на борту одной из них я увидела имя Татьяна. Это меня сильно впечатлило. Но самым важным стало другое: прямо там он позвонил своей дочери и признался, что влюблен.

Наши будни превратились в сплошное предвкушение.

На работе Павел Алексеевич расцвел, и эта внутренняя перемена была настолько сильной, что бросалась в глаза каждому. Теперь он заходил в офис с легкой, непривычной мягкостью. Коллеги начали шушукаться за спинами, а некоторые, самые смелые, даже вкрадчиво спрашивали у него, не влюбился ли он slučajем? На самом деле все было слишком явно: его выдавал каждый жест, потеплевший взгляд и интонация, с которой он произносил мое имя, когда обращался с поручением по делу.

Почти всё свободное время мы проводили вместе. Едва заканчивался день, мы уезжали в места, где могли укрыться от всех, и подолгу сидели в машине. Эти разговоры в тесном

салоне сближали быстрее любых свиданий. Его одержимость и то, с какой скоростью он сокращал между нами расстояние, вызвала внутренний трепет. Я не привыкла к такой концентрации мужского желания, направленного только на меня.

Автомобильная романтика затягивала нас до глубокой ночи. Но один из таких вечеров ее напрочь перечеркнул. Мы сидели в темноте, тихо переговариваясь, как вдруг Паша произнес совершенно неуместную фразу:

— Может получится так, что я буду называть тебя Светой.

Что?! Изнутри обожгло такой злостью, что я даже не стала ничего отвечать. Просто рванула ручку, выскочила из машины и со всей силы хлопнула дверью.

Света. Имя его бывшей. Услышать его здесь, после стольких признаний, было как пощечина. Пашино подсознание предательски его выдало: мыслями он все еще оставался там, в Иркутске, крепко привязанный к своему прошлому.

Он виновато бросился за мной до двери подъезда, но я ему не уступила.

Обида улеглась не сразу, хотя нам обоим хотелось поскорее забыть этот момент. А ведь мне уже тогда стоило над этим задуматься. Почему так?

Одиннадцатого сентября мы сбежали от городской суеты на пляж. Воздух был теплым. Закат окрашивал небо в невероятные оттенки, и мы стояли, зажатые в объятиях друг друга и ласкового, мягкого ветра. Я закрывала глаза и понимала,

что почти физически растворяюсь в тепле его кожи, запахе, надежности. Когда пришло время уходить, он перекинул меня через плечо и понес к машине. Помню, как разглядывая перевернутый мир, я ловила кайф от этого безумия, а внутри торжествовала:

Вселенная, смотри! Он носит меня на руках!!!

Две недели мы жили в режиме невероятно близкого знакомства. Первый поцелуй, обжигающее тепло рук на моей коже... Чувства были слишком сильными. Я наивно надеялась, что до поездки на Алтай мы сможем удержать это пламя и сохранить хотя бы видимость дистанции.

Подготовка к путешествию в горы заняла всего пару дней. Всё организовалось стремительно. Помню, как Павел Алексеевич осторожно, словно боясь всё испортить, спросил: смогу ли я спать с ним в одном помещении? И даже предупредил, что может храпеть.

— Меня это совершенно не смущает. — ответила я утвердительно.

Кажется, моей прямоотой я смутила его гораздо больше, чем он меня — своим признанием.

Двенадцатого сентября, ближе к обеду, мы выехали. План был такой: первую ночь мы проводим в Майме. Для него сняли квартиру, а я собиралась остаться у Маришки — той самой подруги, от которой я вернулась в июле перед своим первым рабочим днем. Павел Алексеевич отчаянно сопротивлялся, потому что хотел быть со мной каждую минуту, но мы

сдержали слово и разъехались. Перед сном, сидя на кухне, я неоднозначно и очень робко описывала Марине начало наших отношений. Она почти визжала от восторга и недоумения:

— Не пойму, почему ты здесь со мной, когда вы должны трахаться вместе!

На следующее утро мы двинулись дальше. По пути сделали остановку на смотровой площадке с видом на Северо-Чуйский хребет. Мое место силы. Я стояла там, захлебываясь от восторга — и от ледяного величия белоснежных пиков, и от того, что разделяю этот момент с человеком, который так неистово стремился заполнить собой всё моё пространство.

В Кош-Агаче мы поселились на крошечной базе. За тонкими деревянными стенами дышал величественный Алтай, а внутри маленькой комнаты все остальное для нас перестало существовать. В темноте каждый звук казался громким: шорох снимаемой одежды, наше неровное дыхание.

Навалилась странная растерянность. Мы оба вдруг стали похожи на детей: голые, смущенные, словно это был наш самый первый раз. Павел Алексеевич не скрывал своего волнения. Его руки, обычно такие уверенные, прикасались ко мне так осторожно, словно я была соткана из горного хрусталя. Эта неловкость сильного мужчины возбуждала сильнее любой отрепетированной страсти.

После он даже начал оправдываться за быстроту своих

действий... Но мне не нужны были оправдания. Я взяла его руку, положила её себе между ног и прошептала:

— Смотри, какая я там мокрая...

В тот момент мы остались в этой тишине только вдвоём — настоящие, открытые и до странности понятные друг другу.

В первые дни по возвращении меня накрыли необычные ощущения. Наша близость словно стерла все прежние границы, и в привычной офисной рутине я чувствовала эту невидимую для окружающих связь между нами. В каждом случайном прикосновении, в каждом мимолетном взгляде Павла Алексеевича теперь сквозила какая-то особенная глубина, от которой внутри всё трепетало.

Восемнадцатого сентября, я сидела за столом, в рабочем шуме доносились разговоры: с Павлом Алексеевичем что-то случилось. Не могла разобрать деталей, но внутри уже становилось тревожно. И тут начальница обратилась ко мне:

— Таня, Павел Алексеевич тебя зовет.

Я сорвалась с места и побежала к нему. Он сидел под гнетом высокого давления, плохо понимая, что с ним происходит.

Я никогда не видела его таким. Человек, от чьего крика еще вчера дрожали стены офиса, сейчас казался неестественно маленьким. На лбу выступила мелкая испарина, а пальцы, обычно уверенно державшие сигарету, мелко дрожали.

Я опустилась рядом и взяла его за руку, хотя сама толком

не понимала, чем могу помочь. Когда я сжала его ладонь, она оказалась обжигающе горячей. Говорят, что мужчина в моменты физической слабости инстинктивно тянется только к той, в ком видит свое спасение и опору. В этот момент во мне умерла подчиненная — осталась только женщина, которая почувствовала: прямо сейчас я — его воздух.

Мы не заметили, как в кабинете появился шеф. В его глазах я сначала увидела растерянность, следом — одобрение. Наконец-то я сняла с плеч этот груз недомолвок. Пусть весь мир видит и принимает то, что мы вместе. Было абсолютно плевать на мнение остальных.

Вечер я провела в его съемной квартире. Заботясь о его самочувствии, забрала с собой две пачки сигарет. Он просил остаться с ним в одной постели. Просто быть рядом, но я уехала. В полумраке чужой спальни грань между сочувствием и близостью стерлась бы слишком быстро.

Девятнадцатого сентября мы сидели в полумраке ка-
льян-бара. Густой, сладкий дым лениво поднимался к потолку. Паша долго молчал, глядя на меня. Очки снова прятали его взгляд, но я видела, как он напряжен.

— Таня... — его голос прозвучал непривычно низко.

Он посмотрел на меня очень серьезно и ... сделал предложение стать его женой.

Сердце бешено заколотилось. Оставив его за столиком, я сбежала в туалет. Оперевшись в недоумении о стену, никак не могла перевести дыхание и все спрашивала саму себя:

Это правда происходит со мной?

Вернувшись обратно в зал, я тихо пообещала подумать. А затем уверенно произнесла:

— Хочу вот на этом пальце колечко — как символ твоих твердых намерений и начала наших отношений.

Было слишком важно понимать кто мы теперь друг другу в этом мире.

По дороге домой мы свернули в поле. Катались на машине среди бесконечных ночных просторов, пока фары не выхватили огромные стога сена, из которых был выложен паровоз. Я сбросила туфли и умудрилась залезть на самый верх. Бегала босиком по стогам, перепрыгивала с одного на другой, задыхалась от смеха, теряла равновесие и падала вниз — в Пашины раскрытые объятия. Сумасшедшие — мы устроили танцы под разрывающую салон музыку в машине, а потом на улице. Пашу было не остановить — такой легкий, веселый и настоящий. Те часы, наполненные чистыми эмоциями, остались в памяти как одни из самых нежных, искренних и свободных моментов.

Двадцать первого сентября я приняла подарок — потрясающее помолвочное кольцо из белого золота, усыпанное бриллиантами. Меня захлестнула волна радости и удовлетворения, и казалось, что впереди только тихое и долгое благополучие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.